

ВЛАДИСЛАВ БАХРЕВСКИЙ

Дядюшка
ШОРОХ
и
ШУРШАВЫ

Владислав Анатольевич Бахревский
Дядюшка Шорох и
шуршавы (сборник)
Серия «Наша марка
(Детская литература)»

prussol

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142873

Дядюшка Шорох и шуршавы: рассказы и сказка / Владислав Бахревский ; рис. Г. Валька.: Детская литература; Москва; 2016

ISBN 978-5-08-005546-1

Аннотация

У героев этой книги необычные друзья: Журавлик, жаба Шлёпа, Старый Пень, кролик Ушки-на-Макушке, смешные домашние волшебники: дядюшка Шорох, шуршавы, Весёлый Пешеход, братец Нечаянные Звоны, бабка Подбериха. Они приходят к ребятам на выручку в трудную минуту, утешают в печали, одаривают своей любовью и заботой.

Мальчишки и девчонки в книге Вл. Бахревского верят, что деревья, звери, птицы живут так же, как мы, внимательно всматриваются в окружающий мир, открывая в нём необыкновенное, таинственное, волшебное.

Для младшего школьного возраста.

Содержание

Дом с жабой	5
Журавлик	13
Кот в сапогах с секретами	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

ВЛАДИСЛАВ БАХРЕВСКИЙ

Дядюшка
ШОРОХ
и
ШУРШАВЫ

РАССКАЗЫ И СКАЗКА

РИСУНКИ Г. ВАЛЬКА

Владислав Бахревский

Дядюшка Шорох и шуршавы: рассказы и сказка

Дом с жабой

Пришло время рассказать вам об этом доме, о доме с жабой.

Когда-то стоял он на окраине города, деревянный, с тесовыми воротами. Но прошли годы, город всё рос да рос, заехал на картофельные огороды, потом на болото, забрался в лес, прибрал деревеньки, и старый деревянный дом очутился себе на горе чуть ли не в центре. Тут его все и разглядели: кто жалеючи – ишь какой махонький, какой не каменный! кто сердито – вид портит, когда же наконец бульдозером такую древность переедут! Были и такие люди: увидят – остановятся, задумаются, вздохнут. А про то, что в доме живёт жаба, никто, конечно, не знал. До поры.

Хозяйками были две Мани: бабушка Маня и девочка Маня. Жила у них кошка трёхцветная, на счастье. Кошка Мурка. Жила курица Ряба во дворе под яблоней.

Когда-то дом стоял в саду, но место понадобилось для нового здания, яблони вырубили, землю упрятали под бетон, под асфальт, чтоб люди в дождик не пачкали ноги, и осталась возле деревянного дома одна яблоня. Под ней в дощатом шалаше и жила курица Ряба.

Водилась у них мышка Безымянка. Для нее девочка Маня оставляла на подоконнике сухарик, и, когда кошка уходила гулять по крышам, Безымянка приходила в гости. Прятался в доме сверчок Полуночник. Он жил и был, но людям не показывался. А про то, что у них есть своя домашняя жаба, ни одна из хозяек не знала. До поры.

В ту зиму мороз лютовал. Дни и ночи были ясные, а солнце и луна косматились. Иней садился на стены, на провода, лез людям в брови, ресницы белыми звёздами оклеивал.

В такую зиму дома бы сидеть, но девочка Маня училась, в школу ходила, во второй класс. А бабушка Маня ходила в магазин и письма на почту носила.

Сделают они свои дела и сядут у печи на огонь глядеть.

Кошка Мурка у ног ляжет. В груди у неё будет петь Мурлыка, и будет она открывать и щурить зелёные глаза.

Выйдет из-за печи курица Ряба. Она в такие морозы за печкой жила. Выйдет, постоит на одной ноге, скажет: «Курррр-квох».

Бывало, мышка выбегала на подоконник поглядеть на них. Глаза чёрные, блестящие. Тут и сверчок не утерпит, голос подаёт: я, мол, тоже неподалёку.

Сидели они вот так однажды, как вдруг слышит девочка Маня, будто кто под ванной тряпкой мокрой шлёпает. Пошла поглядеть. А на полу – жаба. Большая, грустная жаба.

– Откуда ты взялась? – спросила девочка Маня. – И что же ты не приходила к нам раньше? Одной жить плохо. Пойдём, погреешься.

– С кем ты разговариваешь? – удивилась бабушка Маня.

– К нам в гости пришла Шлёпа.

И девочка Маня положила на пол возле печки грустную, тихую жабу. В печи гудел огонь, красные отсветы бежали по стенам, и на полу было тёплое пятно. Девочка Маня поло-

жила Шлёпу на это пятно, чтоб погрелась, бедная, но жаба уползла под стул и устроилась между войлочными бабушкиными туфлями.

Так они ещё пожили все вместе, без приключений. И пришло полнолуние. Голубень. Небо голубело среди ночи, снег голубел, голубые крыши ловили лунный свет и напускали на деревянный дом лунных зайчиков.

Но что поделаешь, ночью нужно спать, и девочка Маня улеглась в свою постель, а бабушка Маня – в свою. Кошка Мурка устроилась возле печи, курица давно уже за печью во сне квохтала потихонечку. Ну а сверчок, конечно, не спал. Он свистел в свою дудочку, и, может быть, в другом доме ему пришлось бы худо. Его, нарушителя покоя, кинулись бы искать. А девочке Мане со сверчком было лучше. Она вытянула губы, словно хотела подсвистнуть своему невидимому любимцу, и не заметила, как заснула.

Приснился ей пруд. Сидит в осоке зелёная-презелёная лягушка.

«Наконец-то я тебя отыскала, сестрица, – говорит ей Маня. – Я знаю заказанное слово».

И только она это слово своё сказала – зелёная лягушка поднялась на задние лапки, потянулась, скинула шкурку и превратилась в Василису Прекрасную.

«Спасибо тебе, сестричка! Нелегко тебе досталось заказанное слово, я тоже тебя порадую».

И пошла через пруд, прямо по воде, не замочив башмач-

ков. На другом берегу махнула обеими руками – и запели тут лягушки, зазвенели, затрубили.

Проснулась девочка Маня, сразу всё вспомнила, а вот слова заказанного – ни в голове, ни на кончике языка. Забыла.

И тут слышит: «Тррр-уу! Тррруу!»

Тихонько – «тррру-у!».

Смотрит девочка Маня: посреди комнаты в лунном озере – жаба Шлёпа. Сидит и поёт.

А утром на дворе началась весна. Февраль ещё был на середине, ещё ждали морозов, но над землёй трубил влажный ветер. Падали с крыш тяжёлые сосульки, сугробы оседали. Зацвела верба! На жёлтых прутиках вспыхнули мохнатенькие жемчужины. Люди ходили повеселевшие, потому что хоть и хороша зима, а весну все ждут.

Серёжке, своему соседу по парте, девочка Маня призналась, показывая пальцем на серебряный дождик с сосулеч:

– Это всё Шлёпа наколдовала!

– Какая Шлёпа?

– Моя жаба.

– У тебя голова не болит?

– Нет, не болит. Я точно знаю, что это всё Шлёпа устроила. Она вышла из своего жилья и пела ночью песни.

Аллочка Фыркина, четвёрочница, что сидела впереди Мани, обернулась и спросила, покачивая белым бантом:

– А ты показать свою жабу – бррр! – можешь?

– Могу, – сказала Маня. – И мышку Безы-мянку, и кошку

Мурку, и курочку Рябу, а вот сверчка Полуночника показать не могу. Я его сама не видела. И послушать его можно только ночью.

– Всё ты выдумываешь, – сказала Аллочка Фыркина, – все знают, что ты придумщица. И в детском саду всегда всякое придумывала.

– Ничего я не придумываю! – обиделась Маня. – Просто у меня глаза на месте сидят.

– А у меня не на месте?! – страшно рассердилась Аллочка Фыркина. – Моим глазкам цены нет, спроси у моей бабушки. Они – изумрудного оттенка.

– Что за шум? – удивилась учительница. – Звонок давно прозвенел.

– Она обзывается, – пожаловалась Аллочка.

– А я говорю правду! – тоже рассердилась Маня. – Весну устроила Шлёпа!

– Какая Шлёпа? – всплеснула руками учительница, но, когда разобралась во всём, подумала и решила: – Ребята, мы попросим бабушку Маню пустить нас всех к себе на вечерний огонёк. Я сама ещё ни разу не слыхала сверчка.

Гости бабушки Мани сидели у стены на старых чистых домотканых половиках. Шушукались. Но девочка Маня сказала:

– Ребята, уже луна засветилась, помолчите, потерпите.

Поленья потрескивали, летали в печи золотые искры. Во

сне, за печкой, курице приснились цыплята, и она им сказала: «Ток-ток-ток! Сюда-сюда!»

Кошка Мурка ушла гулять по крышам, но мышь Безымян-ка не вышла из норы, зато – шлёп-шлёп – пошла искать лунную лужицу жаба Шлёпа.

– Шлёпа! Шлёпа! – зашушукались ребята.

Но в этот миг дунул в свою дудочку сверчок.

Жаба замерла и тоже вдруг сказала своё «трррру».

Сверчок развеселился, распелся, искры в печи защёлкали.

«Трррууи!» – запела жаба.

Она всё перепутала, живя в доме. Она думала – уже весна.

– Какая же она счастливая, Маня-Маняша! – сказала Аллочка Фыркина, когда ребята шли по хрустящему лунному снегу домой.

А Серёжка стал считать:

– И сверчок у неё, и Шлёпа, и курица, и кошка, и мышка. Столько богатства – одной.

Журавлик

1

Так уж случилось, что Журавлик был третьим птенцом в семье. Мама-птица как снесла первое яйцо, так сразу и села греть его. А потом залетела на журавлиное болото буря. Самого маленького, самого лёгкого птенца ветер выхватил из

гнезда и бросил в камыши. Папа-журавль еле отыскал своего меньшого сына.

С той поры Журавлик рос хуже других: меньше ел, меньше пил, меньше бегал, и перья у него выросли позже, чем у родных и двоюродных братьев и сестёр. Все они были журавли, а его называли Журавликом.

2

Осень пробралась на журавлиное болото, как хитрая рыжая лиса, как прожора-огонь... С кочки на куст, с куста на дерево. Было всё зелёным – стало жёлтым.

Поднялись журавли над болотом. В последний раз пробовали они крылья перед дальней дорогой.

Позади всех летел Журавлик. Он махал крыльями изо всех сил, он вытягивал шею, он сжимал лапы в кулачки и всё отставал, отставал...

Когда стая опустилась на землю, к Журавлику подошёл вожак. Он ещё ничего не сказал, но у Журавлика сердце сжалось, стало маленьким-маленьким.

«Неужели меня не возьмут в Африку?» – подумал он.

Посмотрел на Журавлика вожак стаи и сказал:

– До Африки ты не долетишь. Оставайся в родных краях и жди нас весной.

Журавлик опустил голову. Ему стыдно было слушать вожака. Журавлик знал: вечное лето бывает только в Африке,

а на болото скоро придёт ледяная зима.

– Ступай, Журавлик, к человеческому жилью, – снова заговорил вожак. – Только там твоё спасение. – И ушёл.

И скоро Журавлик слышал: стая поднимается в небо. Улетали мама и папа, брат и сестра. Журавли махали крыльями торопливо, ведь они оставляли на болоте Журавлика. Они не могли ему помочь.

Журавлику было так горько, так одиноко, что он пошёл вслед за стаей пешком, взлететь он не осмелился.

Ноги не крылья. Скоро стая скрылась за горизонтом, и Журавлик остановился. Идти ему было некуда. Над болотами тишина: ни птиц, ни зверей.

«Я один, – подумал Журавлик, – все улетели и убежали в Африку».

От страха он спрятал голову под крыло. Вдруг – шлёп, шлёп! Лягушки! Журавлик подбежал к болоту.

Шлёп! Шлёп! Шлёп! – прыгали лягушки в воду.

– Сколько еды! – ахнул Журавлик. – И всё это одному мне!..

Но есть ему не хотелось.

«Стррррасть! Стрррррасть!»

Сорока! Значит, не все в Африке? А чего она так испугалась? За кого?

Журавлик оглянулся, смешно подпрыгнул, замахал как попало крыльями, словно взлетал впервые в жизни.

Щёлк! Журавлика дёрнуло, но крылья унесли в небо. И с

вышины Журавлик увидел лису. Она стояла на задних лапах и глядела вослед такой большой, такой молодой и вкусной птице. В зубах у лисы торчало перо.

«Если бы не сорока... – И Журавлик даже думать не стал о том, что было бы, если бы не трещотка-сорока. – Э-э, нет! Не все убежали и улетели в Африку».

Журавлик опустился на торфяной островок и спрятался в высокой сухой траве.

3

Так он и сидел на этом островке. Крыльями взмахнёшь – большие крылья, далеко видно. Лучше не летать.

Лягушки на островке водились, трава и тростник укрывали от ветра. Только вот тихо очень: ни крика, ни песни. Ветер зашелестит сухим камышом – лиса чудится.

Журавлик к страху привык, а к холоду – нет. Однажды проснулся и увидел, что за ночь островок подрос. Вокруг него была белая сверкающая корона, словно вода вокруг островка стала твёрдой.

Журавлик ударил по короне клювом.

Таррарррах!

Корона вдребезги, кусочек её попал Журавлику в клюв, и кусочек этот был ледяной.

«Зима!»

Журавлик от ужаса замахал крыльями и перелетел на

большую землю. Земля была колючая, побелевшая от заморозка трава обжигала ноги. Журавлик опять бросился в небо, но небо затягивало низкими серыми тучами. Пошёл мелкий нескончаемый дождик. Ветер продувал насквозь.

Журавлик сел. Холодно, одиноко, страшно.

«Ступай, Журавлик, к человеческому жилью. Только там твоё спасение», – вспомнился ему наказ вожака.

И он пошёл. Крылья намокли и не держали. Шёл весь день, шёл и шёл по жёлтой земле, под осенним дождём.

Наступили сумерки, а потом чёрная осенняя ночь, а он всё шёл и шёл. Глаза закрывались сами собой, и он думал: вот ещё один шаг – и сердце разорвётся. И пусть так и будет, пусть разорвётся. Это лучше, чем замёрзнуть на холодном снегу.

Вдруг блеснул огонёк. Это был огонёк человеческого жилья, и журавлиному сердцу стало теплей.

4

В окно будто бы стукнули: то ли ветер ветку бросил, то ли показалось.

– Мама, там птица! – закричал мальчик.

– Что ты выдумываешь?

– Там правда птица! – удивился второй мальчик, поменьше.

– Если птица пришла к человеку, значит, ей худо, – ска-

зала мама.

Она тихонько вышла в сени и отворила на улицу дверь. В доме все затаились и слышали: топ, топ, топ...

Это Журавлик поднимался на крыльцо.

У порога шаги смолкли, а потом снова: топ, топ, топ...

5

В деревянном огромном гнезде человека горело маленькое жёлтое солнце, но было пусто. Журавлик не знал, что это только сени. А тут он углядел миску с едой, и ему захотелось есть.

От пищи стало тепло, покойно, голова нырнула под крыло, и Журавлик заснул. Он не слышал, как мама мальчиков выключила электричество и заперла дверь.

6

Жизнь у Журавлика пошла тихая, странная.

Он разгуливал по сенцам ночью, а днём прятался в тёмном углу. Люди не видели, что в их доме живёт птица, — ни женщина, ни мальчики.

«Вот какой я ловкий!» — думал Журавлик.

Но почему-то мальчик поменьше каждый день забывал в сенях глубокую миску с едой, а мальчик побольше приносил

с улицы ведро воды и ставил рядом с миской.

По крыше стучали дожди, за стенами дома свистел ветер, но однажды Журавлика разбудила тишина.

В двери была щель, и через эту щель Журавлик увидал зиму.

Мама-птицы никогда не видели зимы, но они пугают её непослушных, ленивых птенцов.

А зима – белая! И холодная. От дыхания шёл пар. Журавлик забился в свой уголок, нахохлился. Но тут из дома выскочили мальчики. Они притащили мешок с паклей и стали затыкать щели.

Молоток стучал, Журавлик вздрагивал, но когда дело было кончено, в сенях стало теплей.

«Уж не для меня ли они старались? – подумал Журавлик. – Неужто они знают, что я живу под их крышей?»

Мальчики теперь ходили в шубах, в валенках. Щёки у них стали красные, как яблоки.

Мальчики не боялись зимы. Они брали салазки и на целый день уходили на горку. Или в одних фуфайках бежали на озеро кататься на коньках.

«Зима не такая уж и страшная!» – думал Журавлик.

Но как-то ночью брёвна стали потрескивать, углы в сенях промёрзли, даже на полу заблестел иней. Ветер бросал на домик целые сугробы снега.

В доме проснулись.

– Как бы наш дружок не замёрз! – сказала мама.

Журавлика била дрожь. Он стоял то на одной ноге, то на другой, лапы примерзали к полу. Вдруг дверь отворилась, и Журавлик увидел человеческое жильё. В печи горели дрова. На кроватях, закутавшись в одеяла, сидели мальчики и ждали кого-то.

В доме было тепло, светло. Журавлик сделал один шаг, другой. И вот в дверях показался журавлиный нос, но тотчас скрылся. Потом порог переступила длинная нога, опять появился нос, и – здравствуйте! – Журавлик стоял посредине горницы. Женщина закрыла за ним дверь, мальчики соскочили с кроватей.

Они гладили журавлиные крылья, они угощали Журавлика. И он подумал:

«Зачем же я мёрз все эти дни в сенях?»

7

Теперь Журавлик жил за печкой.

Это не понравилось мыши. Она высунулась из норы и зло сверкнула глазками. Журавлик долбанул её носом, мышь пискнула и больше не показывалась. А вот с пауком Журавлик подружился. Паук спускался к нему с потолка поговорить о весне.

– Хе! Да ты опять нош опустил! – шушукал паук. – Хе! Вешна уже на пороге, дурашка! Я шам вешну жду не дождушь. Вешной благодать! Мухи – жжду, жжду! Ох и жир-

ны бывают! А уж вкусны!..

Журавлик не слышал паука. Он глядел на окно. На окне – ледяные узоры.

«Нет, – думал Журавлик, – я, наверное, так и не дождусь весны».

8

Но мальчики тоже ждали весну и говорили о ней. С улицы прибежал старший брат и позвал младшего:

– На дворе весной пахнет! Снег липкий. Айда крепость строить!

Мальчики целый день строили крепость, бросались снежками, а вечером у младшего поднялась температура.

Ночью мальчик метался в жару. Когда в доме погасили свет, Журавлик подошёл к кровати больного и положил свой большой прохладный нос на горячую голову мальчика.

Мальчик открыл глаза, но не испугался.

– А! Это ты, Журавлик!

Погладил птицу по крыльям и заснул.

9

Утром пришёл врач. Он снял пальто, а под пальто у него был белый халат.

«Этот человек любит зиму!» – подумал Журавлик и насторожился.

Врач сел возле больного и ласково сказал:

– А ну-ка, покажи мне язык!

– Не покажу! – надулся больной. – Вы ложкой в рот полезете.

Журавлик вышел из-за печки: кажется, другу-мальчику требуется помощь!

– Как ты разговариваешь с врачом?! – рассердилась мама. – Немедленно открой рот!

А врач и вправду держал за спиной ложку. Журавлик – щёлк! – и выхватил её.

– Безобразие! – Мама даже руками всплеснула.

А врач поглядел на Журавлика, очень удивился, а потом засмеялся и попросил больного:

– А ну-ка, открывай рот пошире! Может, мы и вправду без ложки обойдёмся.

Мальчик разинул рот, высунул язык, сказал:

– А-а-а!

– Молодой человек, вы ели снег! – Врач покачал головой. – У вас ангина.

10

Болезнь прошла, и однажды мама сказала младшему сыну:

– Сегодня я разрешаю тебе погулять!

На улицу мальчик вышел вместе с Журавликом.

А зимы уже не было. Снег сошёл.

Журавлик раскрыл большие свои крылья и ринулся с крыльца в полёт.

Ветер прижал его к земле, но Журавлик оттолкнулся ногой, подскочил, ещё раз оттолкнулся и полетел.

Всё выше, выше... Крылья опирались на воздух, крылья несли послушно, сильно.

Над головой было синё, солнце играло. И Журавлик затрубил.

Все звери, ожидавшие весны в лесах, по оврагам, в поле, удивлённо глядели в небо.

Откуда взялся журавль? Журавлиная песня ещё не при-спела!

И правда, рано было трубить весну.

Сверху Журавлик увидел родные болота подо льдом. А тут на солнце набежала холодная туча, посыпался снег.

– Журавлик, назад! – кричал мальчик. – Замёрзнешь!

И Журавлик послушался своего друга и сел рядом.

11

Пошла расти трава, лопнули почки на деревьях, лёд в озере опустился на дно.

Мальчики каждый день гуляли с Журавликом. Он ходил за ними по пятам, иногда взмахивал крыльями, но не летал. Ведь его друзья летать не могли, Журавлик знал это.

Ранним утром вдали курлыкнули. Журавлей слышала мама мальчиков. Она поскорее отворила дверь:

– Лети, Журавлик! Лети!

Мама боялась, что мальчики не захотят расстаться с другом.

Журавлик вышел на крыльцо и тоже слышал:

– Курлы-курлы!

Это возвращалась на родные болота родная журавлиная стая.

– Курлы-ы-ы! – крикнул Журавлик и побежал, а потом полетел навстречу журавлям.

Журавли увидели его и, ломая строй, понеслись навстречу.

– Курлы-курлы! – кричали они. – Это наш Журавлик! Он жив!..

Но Журавлик вдруг развернулся и полетел к дому мальчиков. Ведь он с ними не простился. Он летал над домом и звал их:

– Курлы! Курлы!

И мальчики проснулись.

Они слышали журавлиный крик и поняли: случилось что-то очень важное.

Мальчики выбежали на крыльцо и увидели большую жу-

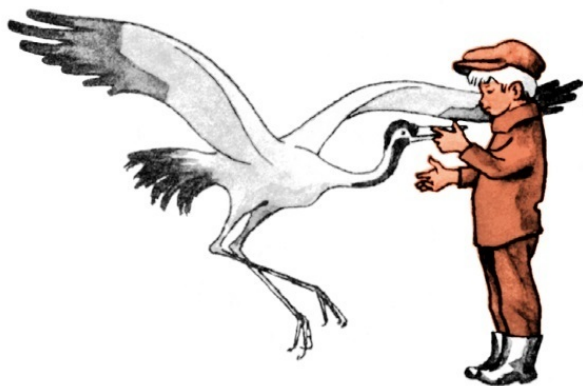
равлиную стаю.

Журавли хороводом низко, доверчиво летали над домом и ласково говорили людям:

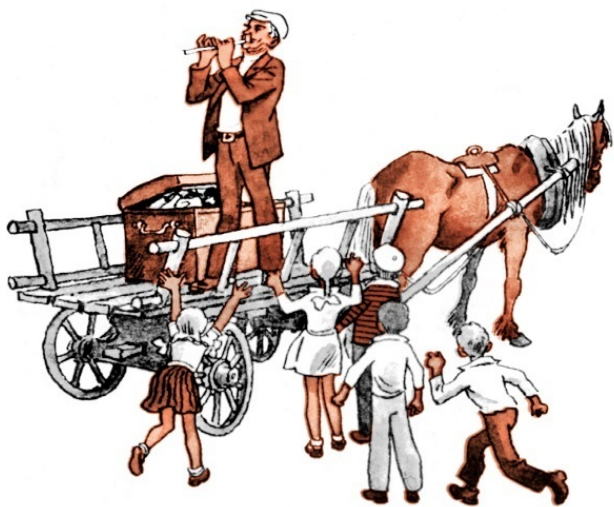
– Курлы-курлы!

И среди журавлей был и Журавлик. Но который? Ведь он вырос и был такой же сильный и красивый, как его братья.

Потом стая взлетела ввысь и пошла на журавлиные болота, но один журавль задержался, он пролетел совсем низко над младшим мальчиком и коснулся его крылом, словно подал руку на прощание.

Кот в сапогах с секретами

1

У Любы Тряпичницы был один-разъединый друг – Старый Пень. Самый настоящий пень. Кора с него давно спала, солнце его высушило и посеребрило. Жучки, червячки, паучки и муравьи проточили в нём ходы и выходы, и Люба Тряпичница не знала, какое это было дерево.

Она приходила к своему другу, когда было хорошо, но чаще, когда было плохо. Садилась боком на толстый, похожий на казачье седло корень, прижималась к пеньку щекой и замирала. Внутри Старого Пня всегда шла жизнь. Что-то шуршало, скреблось, вызванивало, вытренькивало. Звуки были ласковые, осторожные, словно жители Старого Пня старались не помешать друг другу.

Сердечко Любы Тряпичницы, собранное в тугой жёсткий комочек, отходило, разжималось, становилось просторным, да таким, что все её обидчики находили в нём приют и доброе слово.

«Господи, – думала Люба Тряпичница, – чего с Алёнки Стрючковой спрашивать? Она красавица. Ей, чтоб слово сказать, думать не надо. Её не слушают – на неё смотрят».

Летом возле пеньков воздух дрожит, он здесь гуще и слаще, и Любу смаривали сны.

Осенью Старый Пень чернел от непогоды, от забот за своё живое нутро. В такие дни Люба находила минутку разделить тревогу Старого Пня. Она поглаживала его, похлопывала, говорила ему хорошие слова. Может, и невелика помощь, только большего сделать Любе было не по силам: пенёк в дом не приведёшь.

На зиму Старый Пень погружался в сугроб. Но хоть и был он стар, а тоже, видно, ждал весны, торопился к ней навстречу. Проклюнувшись в сугробе, он-то и указывал Любе Тряпичнице первый весенний день, а в первый день осени

она находила на нём жёлтый лист.

Своему другу Люба никогда не жаловалась, слёз на корни ему не проливала, да и всех-то горестей её – прозвище. Фамилия у Любы была красивая: Черешнева, да и сама она с каждым годочком становилась всё приметнее. А училась Люба только в четвёртом, вон ей сколько лет расти и хорошесть.

Прозвище Тряпичница прилепилось к ней, как только в школу пошла: отец работал в «Утиль-сырьёпереработке», ездил на Апельсине, мерине невероятной масти, выменивал на свистульки, дудочки, на шарики надувные, на бумажные мячики на резинке негодное барахло.

Сначала все ребята завидовали Любе. Её отец был для них добрым волшебником. Когда в конце улицы появлялся Апельсин, мальчики и девочки бросались к матерям выпрашивать старые пиджаки, дырявые штанишки, застиранные платица.

Меняла, Любин отец, который сам себя называл Закидон Закидонычем, останавливал Апельсина у древнего пожарного сарая и, наигрывая на детской дудочке грустно-радостную песенку «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан», ожидал детвору.

По твёрдым ребячьим понятиям Закидон Закидоныч не зажиливал. За вещь справную он к свистульке или к дудочке давал в придачу нарядных котов в сапогах. Этих котов шила Любина мама, а Люба ей помогала. Самодельные коты, на-

верное, стоили не дешевле фабричных кукол, которые все на одно лицо.

Апельсин увозил телегу с хламом и с Закидон Закидонычем, а улица ещё долго была звенящей и нарядной. Мальчишки и девчонки носились с цветными воздушными шарами, дули что было мочи в свистульки и дудочки, играли блестящими скачущими мячами, показывали друг другу нарядных котов в сапогах, сравнивая, который лучше.

Домик Закидон Закидоныча стоял на краю города, за озером, на опушке берёзовой рощи. Закидон Закидоныч был человеком старым. Он женился, когда уже совсем поседел, и потому не чаял души в дочке.

Жили они в своём домике мирно и ладно, оглянуться не успели, а Любе в школу пора. Принесла Люба первую пятёрку, а вместе с пятёркой горькие слёзы. Кто-то на переменке крикнул ей:

– Тряпичница!

Прозвище тотчас и пристало. Ребятишки, одноклассники, которые завидовали Любе, что у неё отец – волшебник, выросли. Им было теперь не до шариков, не до котов в сапогах. Да и понимали уже, что её отцу куда как далеко до их собственных. Утильсырьёпереработка! Разве это стоящее дело?

Время Закидон Закидоныча давно прошло. Магазины ломались от игрушек: от заводных, пневматических, электрических, на полупроводниках!

Теперь Закидон Закидоныч в город не навещивался, ездил по дальним пустеющим деревням, по фермам, лесным участкам.

А Любу всё-таки называли Тряпичницей. Защитить себя она не могла и потому на переменах в классе отсиживалась. Однажды пришла она к своему пню просто так: девать себя было некуда. Забралась в деревянное седло, прислонилась к Старому Пню щекой, закрыла глаза и услышала:

– Вникаешь или подслушиваешь?

Она так и подскочила, словно её и впрямь застали за бог весть каким стыдным делом.

На соседнем, совсем уже трухлявом пне сидел заплесневелый какой-то человечек.

«Больной, наверное», – подумала Люба.

– Я тебя давно приметил, – сказал незнакомец. – Ничего плохого про тебя не скажу. Не обижаешь малый народец.

Люба на всякий случай сложила указательные и безымянные пальцы крестиками и поглядела на заплесневелого сквозь ресницы: нет, не исчез. Незнакомец засмеялся:

– А чо? Похож я на Лешего или не больно?

На нём был серенький в полоску пиджак, потерявшие цвет штаны. Над белым лысоватым лбом вздымался серый пух.

Как тут потрафишь: скажи, что похож на Лешего, – обидишь, скажи – не похож, обидишь пуще.

– Вижу, добрая ты, – сказал Леший (про себя она признала-таки его за лесного человека). – Ничего обидного в том прозвании нет – Леший. Не хуже, чем у других. Че-ло-век. Нет, не хуже! Грешен, муравьиному народцу завидую. Ишь ведь как здорово сказано – му-ра-вей! Значит, отношение к мураве имеет. К муравушке. К ласковой траве.

– А ты что же, здесь и живёшь? – спросила осторожно Люба.

– А где ж ещё? Говорю, давно тебя приметил.

– Прямо вот тут? – Люба указала на пенёк.

– Ты чего смутилась? – сказал Леший серьёзно. – Указать на точное место не могу, с этим у нас строго, а в общем – здесь.

– Значит, это ты мне помог? Ну, помнишь, тогда?

– Это когда?

– Ну, когда я попросила Старый Пень, чтоб мой папа больше не ездил по городу.

– Ты сама посуди, как тебе пенёк мог помочь? Тут ведь волшебство нужно знать. Слова. Понимаешь?

– Да это я понимаю!.. – Люба вздохнула и потихоньку погладила свой Старый Пень.

– Ты чего взгрустнула-то?

– Так. У нас в честь окончания школьного года конкурс по труду будут проводить. Лучшие игрушки в Сибирь отвезут, детям строителей. Я Кота в сапогах с секретами смастерила, а нести в школу боюсь.

– Кривобокий, что ли, получился?

– Да нет, ладный. Уж больно даже ладный. Мамка говорит, ей такого вовек не сделать... Ребята, боюсь, задразнят.

– Почему?

– Что ж ты, не знаешь, как меня дразнят?

Люба опустила голову, думая: испытывает её, что ли, лесной человек? Увидала красного жука-солдатику, торопился в жильё. Наклонилась, убрала с дороги щепку, а солдатик замер, испугался должно быть. Подняла голову – никого! Пусто на трухлявом пне. Туда-сюда поглядела – не видать.

– Вот тебе и раз!

Сердечко – как у воробья: не каждому ведь Леший покажется. А главное, он про Кота в сапогах с секретами ничего плохого не сказал.

2

Когда Люба на уроке труда показала своего Кота в сапогах с секретами, ребята в один голос сказали: «Ух ты!»

Во-первых, они вспомнили своих стареньких, давно уже потерянных котов в сапогах, которых получили от Закидон Закидоныча, а во-вторых, это был, конечно, лучший из всех котов в сапогах. В бархатном чёрном камзоле, расшитом серебряной нитью, воротник, как на старинных картинках, из тонкого кружева. Штаны на Коте короткие – настоящие французские мушкетёрские штаны. Чулки шёлковые, сапоги широкие, с отворотами, со шпорами.

А сам Кот! Один глаз у него прищурен, а другой такой зелёный, что Алёнка Стрючкова сказала:

– О-ой!

Люба улыбнулась, взяла Кота в сапогах за лапку, в которой он держал широкополую, с перьями, шляпу, закрыла шляпой Котиную физиономию, а когда отвела, это был уже не Кот, а сам маркиз Карабас, с чёрными усиками, с чёрными щёточками бровей, такой весь утончённый, улыбчивый. Карабас прикрылся шляпой. И вот уже перед ребятами – тре-

тий сын мельника. Глазки синие, нос картошкой, губы толстые, добрые – простак из простаков.

– Первое место! Первое место! – закричали дружно ребята, потому что хоть сами они тоже старались, но тут и сравнивать было нельзя.

– Конечно! – сказала Алёнка Стрючкова. – Она ж Тряпичница!

– Стрючкова! – Казалось, от огорчения учительница вот-вот расплачется. Она обняла Любу за плечи и сказала ребятам: – Я не стану вам повторять, что всякий труд почётный и важный. Но вы подумайте сами: из ненужных, отживших век тряпочек сделать произведение искусства! Из ничего сотворить любимого дружка. Только волшебникам такое под силу.

Казалось бы, и разговору конец, но тут вот что случилось. Вместо последнего урока был пионерский сбор. На сбор пришла какая-то важная женщина. Она поблагодарила ребят за хорошие игрушки и в конце своей речи показала всем Кота в сапогах с секретами.

– Посмотрите, какую замечательную работу представила на конкурс ученица четвёртого класса...

И женщина заглянула в листки, лежащие на столе.

– Это Люба Тряпичница делала! Дочка Закидон Закидонича! – подсказали ребята из других классов.

– Да! – обрадовалась подсказке строгая женщина. – Работа Любы Тряпичничей заслуживает самой высокой оценки. Ей первый приз.

Ребята захихикали, а Люба бросилась вон из школы.

3

На Старом Пне сидел Леший. Завидев девочку, он перебрался на соседний, трухлявый пенёк.

– Глазки-то, гляжу, на мокром месте!

Люба согласно кивнула и села возле Старого Пня.

– Хочешь, сказку расскажу? – спросил Леший.

Люба замотала головой.

– Конфетку будешь? Лимонная, кисленькая.

– Ничего я не хочу, – сказала Люба и посмотрела на Лешего смелыми глазами. – Если ты настоящий, чудо сделай... А-а, не можешь! Ты – человек! Вот кто ты!

Она подхватила портфель и отбежала подальше от обиженного. Издали она крикнула:

– Я знала, что ты человек! Ха-ха!

4

В канаве пели лягушки. Май перевалил за середину, дни стояли долгие, тёплые. Мошек появилось – тучи, лягушкам было хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.